

Навстречу IV съезду
композиторов РСФСР

Музыка вокруг нас

За последние годы мы много, часто и весьма горячо спорим о проблемах, связанных с музыкальным бытом нашего народа. Что волнует слушателя и что должно волновать? Как воспитывать вкусы, особенно молодежи? Какая музыка так называемых массовых жанров должна звучать на эстрадных площадках, в телевизионных и радиопередачах, записываться на пластинки?

О музыке быта и хочется мне поговорить. Но прежде всего — несколько уточнений. Что сегодня следует отнести к массовым жанрам музыки? Этот вопрос возник не случайно: на мой взгляд, мы искусственно сужаем рамки этого понятия, по традиции, причисляя к нему лишь песенное творчество.

Подчеркиваю, именно по традиции, потому что, спору нет, песня — неотъемлемый компонент советской музыкальной культуры. Она принесла славу нашим лучшим композиторам, поэтам, исполнителям.

Параллельно шла и развивалась легкая инструментальная музыка, но она оставалась незамеченной и только сейчас получила столь же широкое распространение. Вокально-инструментальные ансамбли и джаз все прочнее утверждаются в быту молодежи. И не устоять интересам, как пытаются утверждать противники жанра, следует объяснять эти привязанности и увлечения, потому что в репертуаре ВИА и тем более джазов далеко не легких, «развлекательный» репертуар, а, напротив, подчас очень сложные, серьезные произведения. Их слушают, их любят, ими увлекаются.

Да и чисто песенный жанр за последние полтора-два десятилетия заметно эволюционировал, развился, «разветвился» на «виды» и «роды». Самая простая мелодия, песня под аккомпанемент гитары, в сопровождении бубна, ритм-группы или большого эстрадного оркестра — все это пес-

ня. А сложные произведения романсового склада, а баллады, столь широко распространенные ныне, — это ведь тоже песни. Они, естественно, не рассчитаны на мгновенное запоминание, мгновенное восприятие произведения всеми: сложность мелодического рисунка, масштабность формы тому препятствие.

По этому поводу нередко слышатся голоса протеста: какая, мол, это песня, если ее не запоют массы? Разрешу себе возразить: по уровню культуры наш слушатель перерос тот «возраст», когда ему необходима облегченная духовная пища. Зачем же ограничивать его, как мы, композиторы, называем, «трехнотными» опусами, которые действительно сразу запоминаются и с ходу поются?

У нас уже накопилось достаточно много песен, которые стали любимыми, но песен именно для слушания; их художественные образы надолго остаются в памяти, обогащая духовный мир людей. Разве это не ценно? Разве это не воспитывает наших слушателей?

По поводу широкой распространенности в быту вокально-инструментальных ансамблей газета «Советская культура» провела бурную дискуссию. Некоторые авторы неодобрительно высказывались по поводу чрезмерно большого числа таких ансамблей, аргументируя тем, что они отвлекают внимание подрастающего поколения, молодежи от истинных ценностей искусства.

Трудно было бы утверждать, что в вокально-инструментальной музыке все так уж блестяще: здесь много случайного, ремесленного, много дешевых поделок. Мы знаем, что некоторые яркие защитники жанра настолько увлечены ВИА, что называют их магистральным направлением музыки будущего (как, впрочем, противники безапелляционно вычеркивают ВИА из обихода как нечто вообще не стоящее внимания).

Признаться, меня всегда удивляют столь полюсные суждения по поводу одного и того же предмета.

Не собираюсь выполнять миссию миротворца, скажу лишь, что есть две стороны медали, и, если всерьез подумать о ВИА, вместе с отрицательными моментами нетрудно заметить и их положительную роль в развитии самого жанра, в поисках новых средств выразительности, в стремлении создавать развернутые, цельные композиции. Очень много и акустической новизны внесли эти коллективы в звучание музыки. Еще совсем недавно обсуждался вопрос, нужны ли не нужны вокалистам и инструменталистам микрофоны, усилительная аппаратура. Сейчас эта проблема снята с повестки дня, ибо практически доказано, что микрофоны применяются не для того, чтобы глушить публику: они создают пространственное обертоническое объемное звучание. Таким образом, ВИА «осерьезнили» жанр и «осерьезнили» аудиторию. Вот в этом и коренится здоровое начало, несмотря на ошибки, неудачи, просчеты.

И самое главное — повторю хрестоматийную истину — не в жанре дело, потому что ценность произведения искусства любого жанра определяется единственно его художественными достоинствами, его идейной весомостью, глубиной. Любого произведения, любого жанра! Вот это всем нам, композиторам, нельзя забывать ни на минуту.

Легкая музыка — отнюдь не синоним легковесности или легкости творчества и малой ответственности композитора, работающего в данной области. Серьезность творческих задач здесь ничуть не ниже, чем у авторов симфоний или опер. И ничуть не меньше, чем при сочинении партитур крупных форм, здесь необходима самостоятельность мышления, а следовательно, самостоятельность языка, почерка.

Однако, к сожалению, как раз в песне, в легкой инструментальной музыке чаще встречаешься с повторами ко-то и чего-то, с боязнью быть непонятым. Во избежание этого авторы прибегают к испытанным приемам, провешенным уже на публике. Или же, опасаясь показаться старомодными, они из кожи вон лезут, чтобы попасть на современную «волну».

Отсутствие самостоятельности творческого облика, схожесть репертуара, манеры поведения на сцене, короче говоря, подражательность в большом и малом — серьезная болезнь эстрадного творчества и исполнительства. Мне иногда начинает казаться, что недобрую роль подчас играют в этом плане наши средства пропаганды и прежде всего телевидение. Почему-то здесь все время идет ставка на одних и тех же артистов. А то, что не всегда данное сочинение соответствует индивидуальности исполнителя, хотя настоящий артист, тем более эстрадный, должен иметь свое лицо, быть самим собой, со своим репертуаром — над этим, представляется мне, редко задумываются. И идет бесконечная «эксплуатация» популярного имени, многократное появление модного исполнителя на экране, в концертных залах, столь частое, что зрители уже не хотят его видеть.

Уверен, сказанное волнует не только меня, но и коллег: куда деваются у нас таланты? Вот не так давно прошел в Сочи конкурс на лучшее исполнение советской песни. Заседало авторитетное жюри — все специалисты, профессионалы, спорили, называли лучших, раздали лауреатские регалии, дипломы. А где сейчас все эти лучшие? О ком из них мы слышим? Что они делают? Кто заботится об их росте? Мне кажется, это очень похоже на «бесхозяйственность», ибо если напрасно присуждены были звания победителей, зна-

чит, с нас спрос: мы проявили беспечность и безответственность. Если же молодежь заслужила награды, — а это так — надо относиться с настоящей заинтересованностью к ней.

Выскажу еще одну мысль, хотя и она может показаться некоторым спорной: все внимание нашего телевидения сосредоточено на популяризации одного-единственного исполнительского стиля — «среднеарифметической» манеры большинства ВИА: солист, аккомпанирующий ансамбль — одни приемы, жесты, даже мизансцены. Таким образом, опять сужается представление о музыке массовых жанров, словно нет у нас джазовых коллективов и очень интересных джазовых, инструментальных эстрадных пьес. Как видно, опасаются, что слушателям будет скучно, что они не смогут воспринять такую музыку. Да, джаз — большое, серьезное искусство, он требует профессиональных исполнителей и подготовленной аудитории. Но из этого отнюдь не вытекает, что в эфир можно давать лишь программы полечеге, подоступнее. Существуют же передачи, посвященные симфонической музыке, опере. А чем хуже джаз? Успехи наших музыкантов на этом поприще большие и уже признанные, у нас немало произведений, немало исполнителей, работающих в этой области, чье творчество достойно активной пропаганды.

И вообще, так называемая «развлекательная» музыка требует на нынешнем этапе серьезного внимания и серьезного подхода. Происходят интересные процессы взаимопроникновения, слияния, обогащения жанров — процесс общий, коснувшийся «легкой музыки» в полную меру. Предположим, создается симфоническая партитура, которая ближе к популярному эстрадному жанру, чем к классическому циклу симфонии. И, наоборот, композиторы пишут джазовые пьесы, приближающиеся к симфонии. Мне представляется, все это

дает основание думать о необходимости расширять аудиторию джазовых концертов, концертов инструментальной эстрадной музыки.

Почему мы забываем о таком важном разделе, как «музыка отдыха». Может быть, пора было бы подумать об универсальном коллективе, которому под силу и эстрадный репертуар, популярная музыка, и произведения крупной формы. Уверен, ставя задачи художественно-эстетического воспитания народа, мы ни в коей мере не должны забывать о силе воздействия музыки «развлекательной», музыки «отдыха».

Хочется обратить внимание на развитие джазовой, эстрадной легкой музыки в некоторых национальных республиках страны, в частности, в среднеазиатских, закавказских да и у нас, на Кавказе. Идет процесс взаимопроникновения национальных традиций в джазовые, эстрадные жанры, и, напротив, новые течения вносят «коррективы» в традиционные приемы письма и исполнительства. Это помогает обновлению, обогащению, развитию самобытных культур народа.

Ритмические особенности фольклорной речи, мелодика, семантика — все это в восточной музыке блестяще ложится на эстрадную или джазовую специфику. Известны кавказские национальные танцы, построенные на ритме, — это тоже близко джазу, который без ритма не существует. Бит-ритм, стиль «диско», модный сейчас, — у них в основе народные традиции. И импровизационность — неотъемлемая черта джаза — она тоже от народного исполнительства.

Итак, те коллективы, которые прочно стоят на национальной почве, не примеряя «одежки» с чужого плеча, не гоняясь за внешними приметами моды, которые ищут свой стиль, свой почерк, индивидуальные, самобытные, легко отличимы друг от друга. И в том секрет их успеха и залог дальнейшего развития жанра.

Мурад КАЖЛАЕВ,
народный артист РСФСР,
секретарь правления Союза
композиторов РСФСР.
МАХАЧКАЛА.